

ГОРОДСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ГРУППОВОЕ СОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО ГОРОДА

© 2003 Т.В.Иванова

Самарский государственный педагогический университет

Социально-психологическое определение города связано с городской ментальностью, которая определяется через групповое сознание относительно времени и пространства большого города. Городское время представлено двумя разновидностями: историческим временем (значимыми историческими событиями в единицу времени) и динамическим временем (скоростью динамических процессов города).

Время и пространство большого города объединяются в единое начало понятием провинциальности. Провинциальность может быть определена в качестве степени урбанизации, отражающей уровень развития города («внутренняя» урбанизация в отличие от «внешней», характеризующей рост количества городского населения).

Провинциальность выступает как интегративное единство пространственно-временных детерминант жизнедеятельности социальных систем, как мера их исторической развитости.

Исходя из содержательной модели городской ментальности, ее подструктурами являются: 1) групповое сознание, объединяющее шесть основных компонент, таких как стиль городского управления, восприятие города, городской психологический климат, городские социальные нормы, стиль городского общения и городское общественное мнение, городские традиции; и 2) провинциальность, объединяющая собой два основных компонента – пространство (наиболее выражено в психологическом ядре города, или его «центре») и время (историческое и динамическое). Дополнительными компонентами провинциальности как подструктуры городской ментальности могут служить элементы объемного и динамичного образа города: городские ориентиры (символы города), городские территории (психологические районы), городские маршруты (предпочитаемые пути), высота (средняя этажность зданий) и темпоритм (выраженный, в частности, в скорости пешеходов).

Социально-психологические исследования большого города могут быть «сгруппированы» в несколько направлений, исходя из «психологических структур» самого города, если рассматривать его в качестве «социально-психологической системы» и искать аналогии в самом человеке, который в своей целостности представляет собой самую совершенную и наиболее изученную социально-психологическую систему.

Есть смысл, например, выделить проблему, связанную с категорией городского *психического процесса*. Социальная психология вправе рассматривать это понятие с позиции своей науки и вкладывать в него свое собственное содержание. Относительно отдельного человека реальному изучению, как правило, подвергаются следующие психические процессы: внимание и память, ощущение и восприятие (перцепция), эмоции и чувства (аффект), воображе-

ние/или представления/ и речь (мышление), мотивация и действия (воля) – один из вариантов их упорядочивания предложен В.А.Ганзеном [8].

Относительно города как *большой группы* речь может идти о *групповом психическом процессе*. Групповой психический процесс – это особенности протекания данного психического процесса, проявленные у большинства индивидов, составляющих группу (общие закономерности протекания психического процесса в пределах группы). Особенности обусловлены культурно-историческими условиями совместного проживания. Эксперименты, посвященные этой теме, проводили А.Р.Лурия [15] и его последователь М.Коул [13] в рамках культурно-исторической психологии, отдавая предпочтение таким психическим процессам, как восприятие, память и мышление

Г.В.Акопов подчеркивает, что сознание вообще и групповое, в особенности, несводимо к перечню психических процессов [1]. Индивидуальное сознание так же характеризуется состояниями и свойствами личности, а групповое тесно связано с социально-психологическими функциями, состояниями и свойствами группы. Поэтому следующим вариантом изучения психологии города может стать «город как человек в целом» – то есть как живой организм, который имеет свои «индивидуальные», «личностные», «субъектные» и «индивидуальные» особенности: за основу взяты теоретические воззрения на природу человека Б.Г.Ананьева.

«Личностные» детерминанты могут также стать отдельной основой теоретических и экспериментальных версий социально-психологического описания города. В этом случае направление исследований содержательно будет зависеть от теории личности, взятой за основу. Например, такие категории, как «характер, темперамент города» и т.п., лучше «уложатся» в теорию личности К.К.Платонова [16], который выделяет в структуре личности четыре подструктуры, объединяющие собой практически все, что известно о человеке, это: 1) биологически обусловленная подструктура (темперамент, пол, возраст...); 2) психологическая подструктура (индивидуальные свойства памяти, эмоций, ощущений, мышления...); 3) подструктура социального опыта (знания, умения, навыки...); 4) подструктура направленности личности (влечения, желания, склонности, идеалы...). Опираясь на эту концепцию, можно изучать особенности городского поведения, социальные и психические городские процессы, а также городской юмор как «личностное свойство» города.

Иной подход к теории личности может породить иное «видение» города с точки зрения социальной психологии. По мнению А.Н.Леонтьева [14], личность человека – это совокупность его деятельностей. В отношении города

это может быть понято как совокупность деятельностей горожан, а также спектр социальных ролей, порождаемых городским образом жизни (участник дорожного движения, пешеход, пассажир, продавец, покупатель, прохожий, сосед и т.д.). Город, по своей сути, это «разделение труда» между его жителями. Города могут иметь «личностные особенности» исходя из своеобразия «совокупной деятельности»: например, «ткацкий город», «шахтерский город» и т.п. Версия может повлечь за собой серию интересных социально-психологических экспериментов.

Теория личности П.В.Симонова [23], который рассматривает личность как совокупность человеческих потребностей, может послужить развитию очень важной для города темы – «психологии городских потребностей».

В контексте социальной психологии особый интерес вызывает идея изучения «городского сознания», которое может повторять структуру группового сознания. Модели группового сознания могут быть разными, в каждой из них, так или иначе, отражается мировоззренческая позиция в отношении фундаментальной проблемы сознания, а также методологический подход к изучению психических и социально-психологических явлений (Тюрин-Авинский В.И., Иванова Т.В., [25,26]; Акопов Г.В., Иванова Т.В., [5,6]; Иванова Т.В., [12]).

Один из вариантов модели «городского сознания» может быть основан на структуре *группового сознания* Г.В.Акопова [2,4]. В ее состав автором включено шесть элементов: стиль управления в группе; групповая перцепция; психологический климат; система групповых норм, санкций и одобрений; общение и выработка общественного мнения; традиции коллектива. По отношению к городу все компоненты группового сознания органично описывают городские явления подобного рода: стиль городского управления; «городскую перцепцию», или восприятие города; городской психологи-

ческий климат; городские социальные нормы; городское общественное мнение; городские традиции.

Город – это не только «групповое сознание» как таковое, это люди, которые живут вместе на одной территории в одно историческое время. К описанию «места жительства», как правило, относят еще одну очень значимую категорию, которую вполне можно назвать «социально-психологической» – это *провинциальность*.

Несмотря на то, что в обыденной жизни каждому человеку знакомо значение этого слова, научных определений *провинциальности* как самостоятельного явления или характеристики какого-то другого явления не так уж много. Например, Г.В.Акопов, обсуждая проблему «историко-психологического времени», связывает провинциальность с «субъективностью оценки количества психологически значимых событий в единицу времени» [3], которая может выступать как мера «провинциальности». Таким образом, одной из детерминант провинциальности выступает время. Эту мысль можно развить следующим образом. С точки зрения города как места жительства людей, существуют «два времени»: историческое и динамическое. Первое определяет характер эпохи («значимость событий»), второе – скорость динамических процессов («темпы жизни» в городе). Причем провинциальность связана не с объективной оценкой времени (что и с какой скоростью происходит в реальности), а именно с субъективной. Например, в современной эпохе начала третьего тысячелетия существуют города (населенные пункты), в которых по субъективному ощущению – «17 век» или какой-то иной.

С точки зрения динамического времени, провинциальность связана со стереотипом «темпа», причем «медленного». В более провинциальном городе жизнь течет медленнее, чем в менее провинциальном. Понятие провинциальности временными характери-

стками описывается не полностью. Оно связано, прежде всего, с *местом* жительства, то есть с определенным образом, организованным пространством. Если в отношении «субординации» города и деревни вопросов не возникает, то в отношении городов «провинциальность» – характеристика не вполне ясная. Какой город «более провинциален» с точки зрения пространства? Чем это определяется? Размером, удаленностью от «центра», характером застройки, образом жизни? Чем отличается «большой город» от «малого», только ли количеством жителей?

Проблема провинциальности самарской региональной психологией обсуждается в тесной взаимосвязи с проблемой российской *ментальности*. Провинциальность выступает *характеристикой* ментальности, и с этих позиций обосновывается область исследований: это «провинциальная ментальность» [17-20].

Возвращаясь к теме города, можно подчеркнуть, что именно она органично объединяет собой «групповое сознание, время и пространство», порождая правомерность определения «городской ментальности». Это не просто очередная «разновидность» ментальностей, это структурно и содержательно сложная система, аналитически распадающаяся на две составные части: собственно *групповое сознание* и *провинциальность* как меру пространства и времени.

Городская ментальность – это групповое сознание во времени и пространстве большого города. Провинциальность с этой точки зрения является содержательной составляющей городской ментальности.

Рассмотрим соотношение понятий провинциальности и урбанизации. Урбанизация – естественный культурно-исторический процесс, суть которого заключается в стремительном росте городов. Рост количества городов – это собственно проблема урбанизации («внешняя урбанизация» по отноше-

нию к городу), а рост «саших городов» – это междисциплинарная проблема («внутренняя урбанизация»), которая связана с *развитием* города, что приводит к необходимости определения *степени* (стадии, уровня) городского развития и признаков, по которым ее можно диагностировать. С этих позиций кажутся правомерными определения *провинциальности в качестве меры развития города*, а также *провинциальности как «степени» урбанизации*. «Более провинциальный» город находится на условно более «низком» уровне развития, он «старомоден», характеризуется «исторической отсталостью», которая отражается в архитектуре, динамике городских процессов, в особенностях городского поведения и внешности горожан и т.д. Удаленность от «столицы», «центра» – скорее не характеристика провинциальности, а ее причина, которая влечет за собой экономическую и социально-культурную «недоразвитость». В современном обществе «удаленность» все меньше влияет на развитие города в силу позитивного решения социально-политических, экономических, информационных, транспортных и др. вопросов. Однако каждый город вынужден «проходить» в своем развитии все предназначенные ему «стадии». И у каждой из них есть характерные черты, по которым, как бы ни был индивидуален (уникален) город, возможно, его сравнение с другими городами с точки зрения его провинциальности. Задача социальной психологии – определить критерии подобной оценки.

Временное и пространственное измерение провинциальности, а точнее их единство, находит отражение в теориях, в которых термин «провинциальность» не используется, но – подразумевается. Интуитивно «чувствуют» его, прежде всего, архитекторы и градостроители.

Например, И.А.Страутманис рассматривает информативно-эмоциональный потенциал архитектуры [24]. Городские сооружения – это информация об эпохе, архи-

тектура – это информационное сообщение, передаваемое в пространстве и во времени одновременно. В монографии идет речь о наиболее распространенных формах воздействия архитектурно организованной среды.

Все это содержательно очень близко к пониманию *провинциальности как интегративном единстве пространственно-временных детерминант жизнедеятельности социальных систем*. Попадая в тот или иной город, человек «считывает» информацию с городских сооружений, и через нее выстраивает свой ментальный «образ города», относя его к той или иной степени провинциальности. Именно поэтому образ города – это реально существующий феномен, общее в нем порождает одна и та же «информация», поступающая к тем, кто живет или находится в городе.

Оценкой меры провинциальности (или степени урбанизации) становятся человеческие ощущения. Они всегда относительны. Если город объективно «более провинциален», чем тот, из которого в него впервые прибыл человек, то человек чувствует себя в нем «столичным жителем» и нарекает его крылатым прозвищем «деревня!». Если город «менее провинциален», то «деревней» чувствует себя сам человек. Как правило, эти «ощущения провинциальности» наиболее сильны в момент первой встречи с городом.

Затронем проблему использования словосочетания «жизнедеятельность социальных систем». Понятие «провинциальность» может касаться не только города как такового, но и иных уровней обобщения («мест жительства» людей): страны, нации, население которых живет по законам «своего группового сознания» в своем пространстве (ограниченном границей государства, например) и в своем историческом и динамическом времени. Г.В.Акопов определяет так называемую *Схему жизнедеятельности социальных систем* (на примере России), которую можно рассматривать как со-

держательную структуру ментальности. Основными составляющими названы следующие: 1) *целеполагание* (правомерен ли вопрос об «особом пути России» и наличии загадочной «русской идеи»); 2) *содержание* жизни, соответствующее идеалу (самоограничение, бунтарский дух, терпеливость и отходчивость русских); 3) *средства* достижения идеала (могут ли быть оправданы жертвы и страдания); 4) *характер* народа (для кого ищется лучшая жизнь, каковы особенности русского характера); 5) *субъект* исканий (кто именно занимается поиском лучшей жизни, в преломлении к России – это проблемы российской интеллигенции) [3, С.41].

Можно предложить расширение схемы за счет введения в нее еще одного элемента – «пространственно-временного»: 6) *провинциальность* народа (достоин ли народ лучшей жизни, каков его «статус» относительно других народов, живущих в пространстве-времени исторического развития). Последнюю мысль можно прокомментировать следующим образом. Допустим, что какая-то гипотетическая социальная система соответствует всем элементам схемы, и ответы на первые пять вопросов ею найдены: 1. Да, вопрос об особом пути системы (страны, народа, города) правомерен. Каждая система имеет право выбирать свой путь и искать свое уникальное предназначение. 2. Содержание жизни соответствует идеалу. Люди живут так, как хотели бы. 3. Средства оправданы. Страдания возможны, но они преодолеваются. 4. Характер народа соответствует тому образу жизни, который предназначен именно «для того, для кого ищется лучшая жизнь». 5. Субъект исканий – интеллигенция, то есть лучшую жизнь ищет лучшая часть населения, которая ведет за собой других.

Достаточно ли этого, чтобы описать систему? Допустим, что на 6-й вопрос дан отрицательный ответ. *Провинциальность народа* (мера его исторической развитости) такова, что он не

может (не в силах) воспринять и «интериоризировать» все то, что объединено пятью предыдущими элементами. Он не достоин лучшей жизни, потому что живет слишком «медленно» (не *стремится* к лучшему, не *торопится* развиваться) и не строит вокруг себя гармоничное пространство – живет в хаосе или кочует по свету, не привязываясь к месту, оставляя после себя загрязненную среду и т.д. Примером может служить опыт насаждения социализма в Монголии (из феодальных отношений, минуя капиталистические, сразу в социалистические...): перескочить через исторически определенную стадию развития социальная система не может без необратимых для себя негативных последствий. Всему свое время и место. Горстка интеллигенции, определив цель, даже учитывая характер своего народа, оправдывая все страдания и предлагающая идеальную жизнь, вряд ли сможет реально осуществить все планы и «добыть счастье» для своего народа (страны). Необходимо учитывать объективные культурно-исторические особенности (в нашем понимании – особенности «провинциальности» в их пространственно-временных детерминантах).

Составленная на основе изучения российской истории, при добавлении идеи, добытой из социальной психологии большого города как носителя современных тенденций всеобщей урбанизации, *схема жизнедеятельности социальных систем* может быть использована при сопоставлении ментальностей разных исторических эпох или современных «провинций» (Рис. 1).

Системный подход позволяет подчеркнуть, что предложенную содержательную модель «городской ментальности» можно использовать не только для города, но и для «ментальностей любого уровня»: страны, народа и т.д. Всякая социальная система, с одной стороны подчиняется закономерностям систем более высокого уровня, а с другой - порождает свое качествен-

ное своеобразие (известные принципы саморазвития и «нелинейности»). В силу этого город порождает свои «новые», или «особенные», или «системообразующие» признаки («образующие что-то принципиально новое» - элементы новой системы).

Для нас особенно интересна структура группового сознания, предложенная Г.В.Акоповым. Ее построение основано на схеме В.А.Ганзена [2, С. 62], которую обычно определяют как «схему психических процессов», как «структуру сознания» или как «структуру человеческой психики в целом» (Рис.2).

В основу построений положен «принцип раздвоения». В схеме В.А.Ганзена выделено три уровня: верхний обозначен треугольником, у которого значимыми являются две вершины (кроме главной, определяющей предмет исследования), это внимание и память. Заметим, что это не простое «деление» сознания (или психики в целом) на две части. Это основные процессы, без которых невозможно функционирование всех других (названных перцепцией, аффектом, мышлением и волей). Вместе с главной вершиной внимание и память геометрически представляют собой единый монолит в виде треугольника, который «держит» под своим началом (управлением) все нижеподчиненные элементы. Их четыре, по два на каждую из двух вершин треугольника. На среднем уровне все основные процессы также условно «раздвоены», то есть у каждого «в подчинении» по два элемента (ощущения и восприятие, эмоции и чувства, воображение/представление и речь, мотивация и действие).

Схема содержательно «читается» в направлении «сверху вниз и слева направо». Функционирование психики (сознания) происходит «по кругу» (вернее, по спирали, так как каждый новый виток, или психический акт, поднимает носителя психики на следующий уровень в случае развития –

или опускает на предыдущий уровень в случае деградации).

Сначала носитель сознания (человек) выбирает из всех сигналов окружающего мира сигналы, значимые для себя в определенный момент времени, то есть обращает на них *внимание*. Затем он *воспринимает* их (объединяет в целостность), сопровождая этот факт *аффектом* (испытывает по этому поводу какие-то эмоции или чувства). Далее он *мыслит*, то есть обдумывает связи того, чего воспринял, с тем, что уже знал ранее (имел представление или вообразил); достигнув стадии понимания, обозначил это каким-то словом и произнес его вслух (*речевой акт*). Следующий шаг «слева направо» – это включение *воли*, то есть человек актуализирует мотив как динамическое выражение потребности и что-то делает (с тем, на что обратил внимание, воспринял, эмоционально пережил и обдумал). Ему остается лишь «подняться вверх», чтобы запомнить то, что он приобрел в результате данного психического акта. Весь приобретенный опыт он хранит в *памяти*. Круг замкнулся или спираль вернулась к исходной точке, но актуальное состояние психики перешло на новый «виток».

В этой же логике построена и схема группового сознания (Рис.2)

«Стиль управления в группе» задает направленность группового внимания (расставляются приоритеты), которые учитываются в процессе группового восприятия (посредством которого обеспечивается связь группы с «внешним миром»). Преобладание тех или иных групповых эмоций формирует свойственный ей «психологический климат», в котором складывается соответствующая «система групповых норм, санкций и одобрений» (групповое мышление приводит к выработке значимых для группы правил взаимодействия). Все это определяет «групповую волю», то есть характер внутригруппового общения и формирование на его основе общественного мнения,

которые формируют определенные традиции («память группы»).

Воспользуемся предложенной логикой для построения структуры городской ментальности (Рис.2). Городская ментальность несет в себе два начала: групповое сознание и провинциальность, которые – не просто «части целого», а единство, монолит, в котором одно неотделимо от другого. Геометрически «скреплены» треугольником, каждая из двух вершин которого порождает, в свою очередь, свою подсистему аналогичной конфигурации. Групповое сознание, в контексте «городского группового сознания», повторяет свою структуру с той лишь разницей, что определение «групповой» заменено на определение «городской»: жизнь города определяется стилем городского управления («городского внимания»); особенностями восприятия города его жителями, а также людьми за его пределами («городская перцепция»); городской психологический климат имеет прообраз эмоциональной сферы города; городские социальные нормы формируются в результате «городского мышления» и определяют стиль отношений и поведения жителей; городское общение вырабатывает городское общественное мнение, которое выражает способность городских жителей на групповые действия для удовлетворения своих групповых потребностей («групповой волевой акт», забастовки, например); круг замыкается городскими традициями, которые собирают все жизненно важное и значимое, формируя «долговременную память города». Системообразующая основа «городского треугольника» – это городское управление и городские традиции, которые и определяют главное – город как групповое сознание его жителей.

Сложнее составить структурную схему для второй составляющей городской ментальности – провинциальности, так как нам не известны какие либо варианты ее структурного построения (Рис.2). Однако, аналог «схемы

психических процессов» помогает сохранить ту же логику. Провинциальность как главная вершина объединяет собой два самых важных элемента: городское пространство и время. Городское пространство – это, прежде всего, то, что привлекает *внимание* – особенность городской планировки и застройки, наиболее характерные черты которых задает психологическое ядро города (его «центр» как наиболее значимое место города). Время в контексте исторического времени имеет «аналог» исторической *памяти* – это то, что помнят люди, живущие в городе, это та историческая эпоха, которая сохранена в архитектуре и наиболее значима для горожан.

Пространство и время города в своем единстве (геометрически обозначенном треугольником) определяют своеобразие элементов «образа города», которые выражают собой непосредственную меру развитости города, его соответствия «современности» или обозначают его «отсталость» относительно других городов. Их условно можно считать показателями степени урбанизации. И снова – не просто перечисление, а цепочка аналогов, соответствующих «элементам психики», в направлении «слева направо».

Город в целом *воспринимается* жителями и гостями через городские ориентиры, некоторые из которых со временем приобретают статус «символов города» – в их число, как правило, включаются его основные достопримечательности. Предпочтение различных городских территорий имеет отношение к эмоциональной сфере (люди испытывают разные эмоции по отношению к возможной жизни в тех или иных городских «зонах», называемых, как правило, микрорайонами; можно вспомнить такое явление как «грусть новых городов»). Городские маршруты – это основные улицы, с помощью которых городские жители «решают» транспортные задачи, «вычисляют» маршруты своего передвижения (аналог «мышления», улицы – «извилины»

городского мозга, с помощью улиц «город думает»); остается добавить, что передвигаться горожане могут не только в плоскости, но и «по вертикали» – преодоление высотности – это тоже путь, в больших городах, не малый, который преодолевается «маршрутом» лифта. Прообразом «воли» в контексте провинциальности может выступать темпоритм города, которым обозначается общая динамичность города, или скорость городских динамических процессов, в частности, таких как скорость пешеходов, скорость движения транспорта, скорость распространения информации, скорость речи горожан и т.д. Темпоритмом определяется второе время города – динамическое, которое «замыкает» круг на историческое время («память» города), которое по отношению к динамическому времени более фундаментально. Составленная принципиальная структурная схема городской ментальности удобна тем, что по ней можно планировать социально-психологические эмпирические исследования, «по кусочкам» добывая сведения о целостном явлении большого города. Она не претендует на всеобъемлющее описание всех городских проблем, тем, аспектов и явлений. Она позволяет планировать серию исследований, подчиненных единому замыслу. Структурная схема городской ментальности – это всего лишь *срез* (возможно, наиболее важный для понимания феномена города!), который позволяет ориентировать результаты на обобщение в пределах определенных уровней субъектности и делать выводы, распространяющиеся на подчиненные *субсистемы*, а также искать аналогии основных взаимосвязей в более «высоких по рангу» *суперсистемах*. Проще говоря, изучая большой город с точки зрения городской ментальности, можно применять те же исследовательские процедуры и для малых городов, а также для изучения жизни в деревне, имея целью сравнение их по одним и тем же параметрам. Можно сравнивать

разные города между собой, а можно в городской ментальности искать характерные признаки ментальности страны, или отдельных этносов, в ней проживающих. Можно планировать те же исследовательские процедуры, но трактовать результаты в контексте современного уровня развития цивилизации в целом и т.п. Понятно, что социальные системы определенного уровня субъектности, как и всякие системы, функционируют по своим законам, и для изучения их специфики (особенности именно *малых* городов или *деревенского* образа жизни) необходимы дополнительные исследовательские усилия. У других суб- и суперсистем могут быть другие принципиальные схемы, составленные под иным углом зрения, основанные на иных мировоззренческих позициях, принципах и исследовательской логике, соответствующей цели конкретного исследования. Примером может служить наша иная версия структурных построений для изучения городской ментальности, основанная не на «двумерной» (шестичленной) логике В.А.Ганзена и Г.В.Акопова, а на «доминантной» (пятивершинной) логике В.И.Тюрина-Авинского, которая также обещает много интересного в своем развитии (Иванова Т.В., [10,12]).

Опишем более подробно подструктуру городской ментальности под названием «групповое сознание» с точки зрения ее практического применения (Рис.2). Прежде всего, содержательно выделим три уровня ее описания. Это означает, что каждая структурная единица схемы содержит три элемента. Первый (выделен жирным шрифтом) – это уровень компонент городской ментальности, определяющий ее принципиальную структуру. Вторым уровнем (выделен курсивом) – это уровень параметров городской ментальности, на котором возможно качественное и количественное «измерение» ментальности. Третий уровень (выделен «кавычками») – это уровень исследовательских процедур, на котором со-

бираются первичные данные, реализуются алгоритмы качественного описания и количественных расчетов условных параметров городской ментальности. Параметры названы условными в силу их содержательной «неопределенности» и принципиальной «нечеткости»; «измерить» их традиционными методами можно лишь с некоторой долей иронии, допускающей значительную «первичную погрешность».

Компоненты городской ментальности как группового сознания. Стиль городского управления, восприятие города его жителями, городской психологический климат, городские социальные нормы, городское общественное мнение, городские традиции.

Параметры городской ментальности (соответствующие компонентам). *Демократичность города, узнаваемость города, доброжелательность города, отзывчивость города, городские потребности, «злопамятность города».*

Исследовательские процедуры городской ментальности (соответствующие параметрам). «Дружеский шарж на мэра города», проективный тест-шутка; «Узнай свой город!», эксперимент; «Смешной случай», письменный опрос; «Уступи место!», эксперимент-розыгрыш в общественном транспорте; «Ромашка городских потребностей, или в чем нуждается ваш город», опрос на улицах города; «Комическая ментальность большого города», анкета.

Вторая из основных составных частей городской ментальности связана с провинциальностью. Структурная схема ее элементов может быть описана по аналогии с описанием городской ментальности как группового сознания.

Компоненты городской ментальности как провинциальности большого города. Городское пространство (психологическое ядро города) и городское время (историческое прошлое и динамика); образ города: городские ориентиры, городские территории, городские маршруты, высотность, темпоритм.

Параметры городской ментальности как провинциальности (соответствующие компонентам). *«Городской центр» и историчность города; параметры образа города: символы города; психологические районы; городские пути; этажность города; динамичность города (темпоритм).*

Исследовательские процедуры городской ментальности как провинциальности (соответствующие параметрам). «Рисованная карта города», эксперимент, и «Память города», анкета; экспресс-диагностика большого города (определение пяти элементов образа города): «Мой город», анкета; дополнительные процедуры по исследованию образа города, «Любимые и красивые места», анкета, «Темпоритм, или средняя скорость пешеходов», эксперимент на улицах города.

Использование геометрических построений позволяет структурировать «неопределенность» и приводить в систему хаос фактов и разногласию понимания потенциально «нечетких» явлений. Содержательно описав систему «городская ментальность» и определив ее структуру, выраженную геометрией построений ее структурных единиц, попытаемся «выйти за пределы» системы на более высокий уровень обобщений. Городская ментальность породила собой много интересных умозаключений. По законам системности, основные взаимосвязи, найденные в системе, должны (если они, верно, найдены) иметь смысл и для системы более высокого ранга (хотя не обязаны описывать все ее более богатое содержание). В наших рассуждениях о городе мы дошли до уровня и понятия «социальная система», оторвавшись от «собственно города». Логика рассуждений о содержательной сущности *схемы жизнедеятельности социальных систем* привела к обоснованной необходимости введения дополнительного элемента, шестого по счету. Попытаемся продолжить использование метода геометрических построений для более далеко идущих обобщений, и при-

меним двумерный (шестикомпонентный) принцип построения для структурного описания жизнедеятельности любых социальных систем. Для этого «распределим» шесть элементов схемы по местам положения «структурных единиц» в соответствии с тем же логическим «кругом» (сверху вниз и слева направо) (Рис. 1). Заметим, что «умозрительно» собрать столь общие понятия в какую-либо структуру очень трудно.

Геометрический аналог структуры психических процессов В.А.Ганзена и, в большей степени – геометрический аналог структуры группового сознания Г.В.Акопова – помогают «идти по следу» и мыслить, руководствуясь известной логикой рассуждений. Это не простое «наложение» одного на другое, хотя оправдан и такой подход, так как существуют геометрические конструкции, которые универсальны с точки зрения их использования (как формулы в математике; пентограмма и пентоид В.И.Авинского, например [26]). Много можно упорядочить и в «треугольнике», «круг», «квадрат» и т.д. (В.Л.Глазычеву «хотелось» уложить город в модель «тетраэдра» – что-то объемно-сложное и неподдающееся «линейному описанию»). Город как городская ментальность – в структуре сознания, детерминированного пространственно-временным измерением, – и социальная система в структуре сознания социальной системы, обеспечивающего ее жизнедеятельность – аналогия, на наш взгляд, оправданная. Обратимся к непосредственному (и отчасти «формальному») описанию структуры ментальности социальных систем (Рис. 1). Условные выделения: жирный шрифт – компонент структуры ментальности, *курсив* – аналог в структуре группового сознания; «кавычки» – аналог в структуре психических процессов. Монолитный треугольник составят два начала: первое – целеполагание (как основная направленность «внимания» системы, которая определяется *стилем управления системой*)

позволяет системе выбрать главную цель своего существования, то есть осознать свою историческую миссию; второе – провинциальность народа (историческая коллективная «память», сохраняющая *традиции системы*) в данном случае выступает мерой развитости системы относительно других систем и определяет потенциальную возможность осуществления системой своей миссии. Осознав миссию, система неизбежно должна обратиться к поиску средств достижения цели (испытывая терпение своего народа, используя особенность «восприимчивости» народа к страданиям и жертвам как ошибкам *групповой перцепции*). После оправдания выбранных средств система определяет содержание жизни, соответствующее идеалу (порождает свой *психологический климат*, который складывается из «аффективных» составляющих базовой личности системы), в жизнеспособных системах, независимо от национальных особенностей, как правило, культивируются такие личностные черты, как самоограничение, бунтарский дух, терпеливость и отходчивость. Далее в своем жизненном цикле система формирует свое главное национальное своеобразие – характер народа (групповое системное «мышление» приводит к выработке общепринятых в системе *норм*). Динамика развития системы зависит от деятельности ее лучших представителей, которые становятся субъектом исканий; как правило, в развитой социальной системе эту роль берет на себя интеллигенция (активисты задают стереотипы *общения* и способствуют в конечном итоге выработке *общественного мнения* системы; таким образом, проявляется «воля» народа). Значимые волеизъявления народа провоцируют значимые для системы исторические события; они закрепляются в народной «памяти», которая проявляет себя в *традициях* системы и характеризуется пространственно-временными детерминантами, обобщенными нами в понятие «провинциальность народа».

Возвращаясь к идее использования геометрических закономерностей для структурирования социальных систем, еще раз убедимся в их пользе, несмотря на противоречивость подходов к построениям. Наверное, гипотетически возможно построение структуры, объединяющей все возможные варианты, аспекты, срезы и т.д. системы. Но есть ли в этом необходимость, когда речь идет об организации комплекса исследований, в результате которых можно сравнивать социальные системы между собой, в частности большие города, по принципиальным позициям? Проанализировав возможные варианты, необходимо выбрать структуру, наиболее удобную для практического использования и адекватную поставленным целям. Что мы и сделали, положив в основу структурных построений городской ментальности «схему психических процессов» человека и схему группового сознания, обогатив их идеей провинциальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов Г.В. Социальная психология образования. М.,Флинт, 2000.
2. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии: отечественная платформа. Самара, 2002.
3. Акопов Г.В. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара, СамГПУ, 2002.
4. Акопов Г.В. Сознание и его определения в психологии // Известия Самарского Научного Центра Российской Академии Наук. Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. Самара, 2002. С.7-18.
5. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Ментальность: провинциальная ментальность современной России (опыт междисциплинарных исследований) // Мир психологии, 2002, № 1.
6. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал, том 24, № 1, 2003. С.47-55.
7. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Ментальность как идеология психологического понимания проблемы ментальности // Психология искусства. Материалы Всероссийской конференции 3-5 сентября 2002 г. в 3-х томах. Самара, СамИКП, 2003. Том 1. С.78-87.
8. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
9. Иванова Т.В. Психология восприятия комического. Самара, 2002.
10. Иванова Т.В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность, 2002, №6. С. 168-177.
11. Иванова Т.В. Остроумие и креативность // Вопросы психологии, 2002, № 1-2. С. 76-87.
12. Иванова Т.В. Структура ментальности // Известия Самарского Научного Центра Российской Академии Наук. Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. Самара, 2002. С.19-31.
13. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., «Когито-Центр»,1997.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
15. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально - психологическое исследование. М., Наука, 1974.
16. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
17. Российское сознание: психология, феноменология, культура. Межвузовский сборник научных трудов. Самара, СамГПИ, 1994.
18. Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4-7 июля 1994 года). Самара, СамГПИ, 1994.
19. Пушкин и Российское историко-культурное сознание. Материалы III Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциаль-

- ная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем» (17-19 мая 1999 года). Ежегодник Российского Психологического Общества. Самара, СамГПУ, 1999. Том 5. Выпуск 1, 2.
20. Российское сознание: психология, культура, политика. Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4-6 июля 1997 г.). Самара, СамГПУ, 1997.
21. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1997. Вып.4, № 27.
22. Семенов В.Е. Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях // Современная психология: состояние и перспективы. Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН. М., 2002. Том.2.
23. Симонов П.В. Междисциплинарная концепция человека. М., 1989.
24. Страутманис И.А. Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. М., Стройиздат, 1978.
25. Тюрин-Авинский В.И., Иванова Т.В. Восприятие структуры или структура восприятия // Сознание и физическая реальность. М., том. 4, № 2, 1999. С. 22-26.
26. Тюрин-Авинский В.И., Иванова Т.В. Альфа-пентаструктура ментальности // Телескоп. Научный альманах. Самара, НТЦ, вып. 2, 2002. С.114-122.

CITY MENTALITY AS GROUP CONSCIOUSNESS IN TIME AND SPACE OF A BIG CITY

© 2003 T.V.Ivanova

Samara State Pedagogical University

Social and psychological definition of a City is connected to city mentality. The latter is defined through Group Consciousness in time and space of a big city. City time includes two types: historical time (significant historical events per unit of time) and dynamic time (pace of dynamic processes in a city).

Time and space of a big city are united by the concept of Provinciality. Provinciality can be treated as a degree of urbanization reflecting the level of city development. (There is an "internal" urbanization against "external", describing growth of urban population).

Provinciality acts as an integrating unity of Time-space determinants of Social Systems, and as a measure of their historical development.

To our mind the substructures of City Mentality are: 1) group consciousness comprising six basic components, such as style of a municipal government, city perception, psychological climate of the city, city social norms, style of inter-city dialogue and city public opinion, as well as city traditions; 2) provinciality uniting two basic components - space (mainly manifested in the psychological nucleus of the city) and time (historical and dynamic ones). There are some additional components of provinciality (as a substructure of city mentality). They are the elements of the image of city: city reference points (symbols of city), city territories (psychological areas), city routes (preferred ways), altitude (average number of floors of the buildings) and tempo and rhythm (seen in speed of pedestrians, in particular).